

ГОЛОС ИЗ «АКЦИОНЕРНОЙ ПУЧИНЫ»¹¹⁸

(От нашего «собственного» корреспондента).

Милостивые государи!

Брошенное вами в пучину приглашение: снабжать ваш уважаемый «Свисток» периодическими сведениями обо всем, от чего живо трепещут обыватели глубокого царства, — достигло моего дна, и я, с радостными чувствами заблудившегося в лесу человека, услышавшего *ау!* спешу сам *аукнуть* на ваш поверхностный призыв. Прошу только снисхождения к доставляемой на первый раз не самой обильной ловле в этом море, богатом сытыми китами и акулами, откормленными человеческими деньгами вместо плоти.

Будь я корреспондент не столь уважаемого в нашей бездне органа, как «Свисток», я, конечно, сумел бы, со всепожирающим интересом пекинского корреспондента «С. Петербургских ведомостей», изобразить вам, милостивые государи, например новый год акционерной пучины¹¹⁹; но такое заимствование с китайского не принято в нашем просвещенном мраке, а потому я ограничусь лишь несколькими чертами этого наступившего времени в пучине.

Прежде всего вам должно знать, что новый год начинается здесь не по Кириллу и Мефодию, но по разным более или менее немецкого происхождения бухгалтерам, держащим в своих руках талисман, которым они по произволу останавливают на сколько угодно степеней или ускоряют ход акционерного солнца. Если они выдвинут из своей бухгалтерии годовой отчет в феврале — то новый год в пучине начнется с февраля; удержат отчет до мая — новый год подождет до мая. Вообще, по средней сложности наблюдений пучинных астрономов, за последние десять лет начало нового следует считать с тех пор, когда к вам

прилетают жаворонки, а к нам — балансы правлений, из которых мы ясно видим, что наши деньги клонятся к неминуемой гибели.

Приближение весны обозначается здесь обыкновенно явлениями, повергающими в смятение мирных жителей пучины: показываются статьи в «Биржевых ведомостях»¹²⁰ о промотанных общественных суммах, недовезенных или сгноенных товарах, пропавших без вести на пути вагонах и баржах, выскочивших, как клавиши, бог знает откуда, свояках и однокашниках директоров правлений — и о тому подобных интермедиях готовящейся драмы. Пучинные витязи *Я не подпишусь* (псевдоним)¹²¹, *Аскалон Труворов* (как утверждают, не псевдоним)¹¹² и другие выходят на рать противу правлений. Последние стойко и безмолвно (*словобоязнь* — эпидемия, довольно сильно развитая в нашем море) выслушивают достаточное количество горьких истин и исчисление своих годовых прегрешений, обдумывая речь общему собранию и отыскивая баланс для своих директорских кресел, с каковою целию и прицепляют к ним гири покровительства разных почтенных обладателей такого же количества лет, как и акций. Укрепив таким образом фундамент, они принимаются строить на нем воздушные замки обещаний, объяснений и посулов для ушей прочих акционеров.

Но вот приходит и *общее собрание* — весна нашей пучины. Воздух наполняется запахом цифр, и легкие балансы носятся в нем, как пух одуванчиков, колеблемый зефиром... Сердца акционеров расширяются надеждою и

жаждой дивиденда... Одним словом, весенние ощущения преобладают.

Но дабы продолжать картину этого потрясающего обновления пучины, я чувствую слабость, милостивые государи: кисть моя ударяется в китаизм, и я замолкаю. Пусть же вдохновенные гимны нашей пучинной музыки, к сожалению, мало известной у вас на поверхности, перенесут ваше воображение в очарованный мир весны, которая пахнет цифрами и прениями общих собраний. Для образчика я познакомлю вас с несколькими произведениями лучших поэтов бездны, не уступающих размахом крыльев своего гения даже таким из ваших баянов, каковы баян «Русского вестника» г. Алмазов¹²³ и популярнейший из ваших поэтов *Конрад Лилиеншвагер*.

Приводя ниже по одному творению двух наиболее уважаемых у нас поэтов, гг. *Бриллиантова* и *Тюльпанензона*, предупреждаю вас, что первый из них, по молодости лет, находится отчасти под влиянием вашего поверхностного Некрасова. Что же касается до Тюльпанензона, то вполне созревшее его дарование есть лучшее украшение нашей подводной литературы.

Вот эти произведения:

I

ПУЧИННЫЙ ШУМ¹²⁴

(на голос: «идет–гудет зеленый шум»)

Идет–гудет Пучинный Шум,
Пучинный Шум, весенний шум.

В собрании расходится
Иной акционер,

**Ругнет свое правление,
Подымет бухгалтерию.
Как бешеный: все пакостно —
И люди, и дела!**

**Идет–гудет Пучинный Шум,
Пучинный Шум, весенний шум.**

**Скромна моя компания —
*Венера и Тантал*¹²⁵ —
Водою лишь мутит.
Да с ней беда случилась:
Как промотали денежки —
Не стоит ни гроша!**

**На чердаке с купонами
Нужда нас заперла.
Мои глаза суровые
На акции глядят.
Молчу... а дума лютая
Покою не дает:
Их сжечь, так жаль — заплачены!
Продать — покупки нет!
А тут Аскалон Труворов
Ревет и день, и ночь:
«Сожги, сожги негодные,
Правленье изведи!
Не то весь век промаешься,
Доходов не возьмешь:
Тантал — корова дойная —
Родным да однокашникам
Все в руки отдадут!»
Окрепла дума лютая —
Припас я злобный спич...**

Да вдруг весна подкралася.

**Идет–гудет Пучинный Шум,
Пучинный Шум, весенний шум.**

**Как для спектакля собраны,
Вдоль залы стулья чинные
Рядочками стоят.**

**От речи председателя
Сидят повеселелые
Пучинные тузы.**

**А рядом с новой яростью
Бранят правленье жирное
И Труворов неистовый
И два–три голяка.**

**Шумит их кучка малая,
Шумит по пустякам...**

320

**А там правленью вносится
Признательность в журнал.**

**Идет–гудет Пучинный Шум,
Пучинный Шум, весенний шум.**

Слабеет дума лютая...

Идешь, повесив нос.

И всюду песня слышится

В правлениях одна:

«Души, покуда душится,

Дои, покуда доится,

Морочь, пока морочится —

**И черт тебе не брат!»
Смарагд Бриллиантов.**

II

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

(поэма)

**Я в общее собрание
Всегда иду заранее
И, ставши в уголок,
Благославляю рок.
Порядок там парламентский!
Директор департаментский,
Встав, произносит спич.
Добро, порол бы дичь —**

**Так нет: гласит про акции,
Притом в такой редакции,
Что сам лорд Пальмерстон¹²⁶
Был верно б побежден.
Всяк тотчас умиляется,
И если б кто желал
Произвести скандал —
Строжайше возбраняется.**

**«Осмелюсь я сказать, —
Иной вдруг озаботится, —
Все ж денег разбирать
Из кассы не приходится».**

— Молчать! молчать! молчать!
Все это дразги, личности —
Не слушайте его!
И все кричат *браво!*

— Скажу без околичности, —
Начнет опять другой, —
Мой взгляд совсем иной:
Кто не стеснялся кассою,
Тому сказать всей массою,
Что не хотим его! —
И все опять — *браво!*

Короче, из приличия
Не терпится обычая
Шуметь из ничего.
Затем—то я и ранее
Всегда иду в собрание
И, ставши в уголок,
Благословляю рок.

Фердинанд Тюльпанензон.